

Шакирова Эльвира Венеровна

КОНЦЕПТ ГИБРИДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАМКА АНАЛИЗА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье на основе анализа основных концептов и классификаций современных политических режимов предлагается система кодирования, позволяющая выявить основные различия между гибридными типами режимов. Авторский подход строится на шести критериях, оценивающих характер взаимодействия между политическими элитами и контрэлитами. Разработанные критерии оценки политических режимов могут служить перспективной аналитической рамкой анализа современного политического процесса в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 203-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире:** материалы межд. науч. конф. / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова, А. Ф. Яковлевой. М.: ИКАР, 2011. 266 с.
2. **Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие** [Электронный ресурс]: материалы IV очередного всеросс. социологического конгресса. М.: РОС, 2012. CD-ROM.
3. **Шабыков В. И.** Принципы национально-государственного строительства России (теоретический аспект проблемы и задачи социологической науки) // Диалог культур и культурная политика государства в полиэтническом регионе: материалы постоянно действующего регионального научного семинара. Йошкар-Ола, 1997. С. 22-44.
4. **Шуменко М. А.** Специфика «вхождения» мигрантов в новую культуру // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 23-32.
5. **Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл: проблемы реализации:** сб. науч. ст. / отв. ред. Е. В. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 156 с.

**POTENTIAL MIGRANTS IN THE REPUBLIC OF MARI EL:
ATTITUDE TO PEOPLES' HISTORY AND CULTURE**

Shabykov Vitalii Ivanovich, Ph. D. in Philosophy

*Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasil'ev
kudsebs@rambler.ru*

The author reveals the factors of the ethno-cultural thinking and ethno-social behaviour of potential migrants in the Republic of Mari El, characterizes the structure of potential migrants' census group, basing on sociological data considers their attitude to the history and culture of their own and other peoples living in the republic, and reveals the extent of their orientation to intercultural communication and ethno-cultural integration.

Key words and phrases: The Republic of Mari El; potential migrants; ethno-cultural thinking; inter-ethnic communication.

УДК 329

Политология

В статье на основе анализа основных концептов и классификаций современных политических режимов предлагается система кодирования, позволяющая выявить основные различия между гибридными типами режимов. Авторский подход строится на шести критериях, оценивающих характер взаимодействия между политическими элитами и контрэлитами. Разработанные критерии оценки политических режимов могут служить перспективной аналитической рамкой анализа современного политического процесса в России.

Ключевые слова и фразы: гибридный политический режим; демократия; авторитаризм; дефектная демократия; конкурентный авторитаризм; контрэлита; политическая оппозиция.

Шакирова Эльвира Венеровна

*Уфимский государственный нефтяной технический университет
viva160@mail.ru*

КОНЦЕПТ ГИБРИДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАМКА АНАЛИЗА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ[©]

Электоральный цикл в России 2011-2012 гг., явившейся отправной точкой протестной активности населения и существенно изменивший политическую картину российской политики, актуализировал ряд научных вопросов, касающихся современного политического развития страны. В частности, в свете недавних событий остро встал вопрос об их причинах и определяющих факторах. Исследователи, приступившие к анализу детерминант неожиданной для многих политической мобилизации масс, уже выдвинули ряд гипотез, указывая в качестве причин общественного протеста на экономические (рост среднего класса) [2, с. 4] или на информационно-технологические (распространение Интернет) [9, с. 114-116] факторы развития современного российского общества.

Между тем, не менее актуальным представляется взгляд на события с точки зрения сугубо политических детерминант. В этой связи необходим анализ последних лет политического развития России сквозь призму стратегического взаимодействия власти и оппозиции, властвующих элитных групп и контрэлит. Однако указанные политические акторы действуют в рамках определенной институциональной среды и «правил игры», которые обобщенно можно определить в качестве «политического режима» [3, с. 94-115]. Именно специфические характеристики последнего могут быть рассмотрены как важные основы, создавшие возможности для эмансипации российской оппозиции, что, в свою очередь, и стало важным фактором политической мобилизации населения и резкого роста уличных протестов. Таким образом, политологическим взглядом на указанную проблему должен быть анализ специфики сложившегося в России политического режима.

Главной задачей данной статьи является исследование основных характеристик современного российского режима на основе обобщенного обзора концепта гибридного режима с целью разработки и уточнения системы кодирования политических режимов, позволяющей дать более четкие и эмпирически доказуемые различия между разными типами гибридных режимов.

Российский политический режим в современной политологии разные исследователи рассматривают с точки зрения двух противоположных позиций, которые сходятся друг с другом в признании гибридных форм существующей российской политической системы. Первая позиция отталкивается от демократической традиции и указывает на существующие дефекты российского режима, которые отличают его от либеральной демократии. Данная позиция заложила основу для влиятельной традиции оценки российского режима в терминах «демократии с прилагательными» [17, р. 430-451]. Вторая точка зрения исходит от противоположного тезиса, признавая российский современный режим в качестве авторитарного, но включающего в себя некоторые демократические институты, что отличает его от классических форм авторитаризма. Не трудно заметить, что в рамках обеих позиций российский режим рассматривается как «смешанный», интегрирующий в себя как демократические, так и авторитарные характеристики. Проследим становление и идейно-теоретическую эволюцию указанных двух традиций в современной политологии.

Первоначально «демократическая традиция» в анализе российского режима превалировала. В отечественной научной и публицистической литературе доминировала точка зрения, согласно которой «горбачевская» перестройка и ее последствия однозначно следует относить к процессу демократизации. После провала августовского путча 1991 года в среде российских обществоведов достаточно распространенными стали два концептуальных положения: во-первых, коммунистический режим в России был исторической аномалией, и, во-вторых, распад коммунистической системы в России приведет к утверждению в российском обществе принципов и ценностей западной демократии, что, таким образом, еще раз подтвердит их универсальность [7, с. 47-51]. За рубежом первое время также указанные процессы рассматривались в контексте демократизации. И хотя многие исследователи указывали на некоторые специфические моменты в стартовых условиях России, тем не менее, они не казались достаточно существенными, чтобы исключить российские трансформации из глобального процесса «третьей волны» [14, с. 368].

Скептические настроения в оценках о перспективах утверждения демократии в России и других, по крайней мере, европейских постсоветских государствах, были весьма немногочисленны. В качестве такого примера можно привести точку зрения российского исследователя В. Б. Пастухова, который в 1992 году на основе исторического и цивилизационного подходов в духе Н. Бердяева и евразийской школы сформулировал положения, согласно которым «коммунизм в России – это исторически логическая фаза развития» [12, с. 60-74]. В свою очередь, распад коммунизма – это новая фаза эволюции специфической евразийской цивилизации. По мысли автора, она характеризуется тем, что западные ценности будут перерабатываться чуждой для них культурной средой. Посткоммунизм в трактовке В. Б. Пастухова – это некий переходный этап, «межсезонье» российской истории, в рамках которого происходит формирование нового типа российской государственности [Там же]. Становление нового государства ознаменует собой завершение посткоммунизма и начало новой фазы эволюции России. При этом автор отмечает, что исход этих преобразований может привести как к демократической, так и к авторитарной государственности. Однако сам исследователь, ссылаясь на особенности российской психологии и историческое наследие, в большей мере склонен ожидать формирование вначале «квазиавторитарной власти». Под указанным термином автор понимает воссоздание авторитарной политической системы, которая, в отличие от коммунистического режима, будет свято соблюдать принципы частной собственности и индивидуальные права граждан [Там же].

В российской политической науке один из первых, кто попытался систематизировать специфические черты посткоммунистического режима на примере России, был профессор И. М. Клямкин. По его мнению, главная особенность режима, который автор обозначает как «посткоммунистическая демократия», заключается в том, «что представительные парламентские органы возникают и начинают действовать при отсутствии современной рыночной экономики и гражданского общества, т.е. при отсутствии сколько-нибудь развитой и расчлененной структуры экономических и социально-политических интересов и соответствующих им организаций» [6, с. 9-10]. В этих условиях в обществе господствуют потребительские интересы и крайне слабо выражены интересы производственные. Поэтому учреждение института парламентаризма в такой ситуации приводит к тому, что представительный орган превращается в «клуб сердитых потребителей, которые, с одной стороны, требуют перераспределения доходов в пользу своих избирателей за счет остальных групп населения, с другой – соревнуются в смелости по части разоблачения всякого начальства, которое не хочет отдавать то, что у него просят» [Там же].

Если говорить о зарубежных исследованиях, то эмпирические данные на примере России с новой силой актуализировали концептуальные положения Ф. Шмиттера и Г. О'Доннела, выдвинутые ими еще в середине 1980-х годов и разработанные на основе изучения политического развития стран Латинской Америки. Речь идет о концепции «гибридных» политических режимов и их разновидностях, которые данные ученые предложили именовать такими неологизмами, как диктобланда и демократура [20, р. 9-13]. Примерно в этом же русле рассуждал С. Хантингтон, который, анализируя первые итоги политических трансформаций в странах постсоветского пространства, делал вывод, что общей тенденцией развития «демократий третьей волны» становится их превращение в нечто, отличающееся от полностью демократических режимов. Ученый писал: «Мы являемся свидетелями появления все большего числа стран, которые на шкале “демократия – недемократия” находятся где-то посередине между Данией и Китаем» [18, р. 10]. Исследователь делал предположение, что по мере того как формальные демократические институты усваиваются все более разными обществами, сама демократия становится все более разнородной.

Своеобразие политического режима в России заставили политологов вернуться к осмыслению самого понятия «демократия» и из всего многообразия определений этому явлению выбрать адекватную постсоветским реалиям дефиницию. Наиболее четко эта проблема была поставлена американским политологом Л. Даймондом. Он указал, что применительно к России нельзя использовать два доминирующих в политической науке подхода к определению демократии. Первая, минималистская дефиниция, сформулированная впервые Й. Шумпетером, и воспринятая впоследствии С. Хантингтоном и другими учеными, основывается на электоральном соперничестве как сущности демократии. Эти минималистские концепции демократии, которые Л. Даймонд определяет как «электоральные демократии», признают потребность в некоем наборе гражданских свобод, необходимых, чтобы составлять реальность и участие имели реальный смысл. Вместе с тем, как правило, они не уделяют большого внимания предполагаемым базовым свободам и не пытаются включить их в число реальных критериев демократии.

Л. Даймонд отмечает, что спецификой постсоветских режимов является их промежуточное положение, которое не позволяет включить их ни в состав электоральной, ни, тем более, в ряд либеральных демократий. Чтобы разобраться в динамике режимного изменения и процессах развития демократии в контексте «третьей волны», в рамках которой происходит и российская трансформация, американский ученый считает необходимым допустить существование третьей категории режимов, которые не дотягивают даже до минималистской демократии, но в то же время отличаются от чисто авторитарных систем. Такие режимы Л. Даймонд предлагает определять как «псевдodemократии». Эти режимы могут обладать многими конституционными характеристиками «электоральной демократии», в них легально действуют оппозиционные партии, однако они лишены такого неперемennого для демократии качества, как наличие поля для относительно честного электорального соперничества, способного привести к отстранению от власти правящей партии. От режимов, относящихся к категории авторитарных, «псевдodemократии» отличаются именно тем, что терпят существование оппозиционных партий. Л. Даймонд полагает, что примерами таких «псевдodemократий» служат многие постсоветские страны, такие как Россия или Казахстан, в которых сформировались персоналистические и плохо институционализированные системы власти [Ibidem].

Таким образом, Л. Даймонд при анализе постсоветских режимов предлагает использовать типологию, включающую в себя три разновидности демократии. Данная типология предполагает учет эволюционного характера демократизации и призвана фиксировать промежуточные стадии в рамках этого процесса. «Псевдodemократия» – это режим, минимально продвинувшийся от авторитаризма. Более зрелая стадия – «электоральная демократия». Наконец, консолидация демократии, означающая расширение массовых гражданских свобод и усвоение демократических ценностей на уровне политической культуры населения, позволяет отнести режим к типу «либеральной демократии».

В российской политической науке одной из самых развернутых и обоснованных концепций сущности переходного режима в России можно признать теорию «режима-гибрида», выдвинутую Л. Ф. Шевцовой. Ее концепция исходит из того, что в России произошла трансформация в результате внутренней эволюции коммунизма, адаптировавшегося к новым условиям, и потому посткоммунистический режим соединяет противоположные тенденции в их переплетении: авторитаризм, демократизм, олигархические элементы. Как указывает исследовательница, «амальгамность и системы власти, и политического режима, наличие в них элементов, свойственных различным политическим системам, делает эту власть подвижной, она может развиваться в самых разных направлениях. С одной стороны, гибридность порождает постоянные противоречия внутри системы власти, с другой – предохраняет систему от повторения советского опыта, т.е. от неожиданного обвала, когда неэффективность одного системного блока вызвала разлад всей системы. Гибридность системы оставляет некоторую возможность внутрисистемного реформирования и даже смены режимов по мере истощения одного из них, что, конечно, продляет ей жизнь» [15, с. 478]. Так, например, российская власть на протяжении десяти лет эволюционировала и воплощалась в трех формах: «двоевластия» в период 1991-1993 гг., суперпрезидентства после 1993 г. и «двойного лидерства» весной 1999 г. [Там же, с. 510].

Затрагивая проблематику типологии переходных режимов, Л. Ф. Шевцова обращает внимание на то, что российский опыт, как и опыт некоторых других стран постсоветского пространства, не позволяет в полной мере отнести их к уже разработанным классификациям. Среди них как наиболее похожие на постсоветские режимы она выделяет типы «делегативной демократии» и «бюрократически-авторитарного государства», разработанные Г. О'Доннеллом на примере стран Латинской Америки [Там же, с. 508]. Однако, по мнению российской исследовательницы, наряду с наличием ряда схожих характеристик, переходные режимы в странах бывшего СССР, в частности, российский, имеют совершенно особое и даже уникальные черты. Как указывает Л. Ф. Шевцова, основная сложность в определении российской политической системы связана с многослойностью конфликтов и противоречий, которые в ней заложены, и невозможностью отразить их в одном определении. Одной из главных сущностных характеристик постсоветского режима в России она считает «несовпадение между каркасом власти, ее организационной структурой и внутренним содержанием, реальными механизмами, в которых решающую роль играют теневые отношения» [Там же, с. 509]. Для понимания сущности «гибридного режима» Л. Ф. Шевцова считает необходимым различать государство, систему и режим. По ее мнению в постсоветской России не сложилась система, то есть совокупность разнообразных институтов, которые взаимодействуют по вертикали и горизонтали. Система в этом смысле подменяется президентским режимом. Второй особенностью «гибридного режима» является отсутствие размежевания между государством и режимом, что сильно отличает Россию от посткоммунистических стран Восточной Европы. В последних при деградации коммунизма и распаде партийного государства произошло своевременное отделение коммунистического режима от государства, и в результате государство сохранилось и стало инструментом реформ уже при новом режиме. В России выход из коммунизма произошел за счет

падения и режима, и государства. Однако при этом в условиях распада прежних связей правящий класс пошел на сохранение некоторых элементов старого режима (в частности, старого правящего класса, советов) как консолидирующей структуры, которая должна была предохранить общество от распада. В дальнейшем образование нового режима предшествовало формированию государства, а затем режим начал даже подменять государство и тормозить государственное строительство. В итоге этих рассуждений Л. Ф. Шевцова приходит к выводу, что «если в других странах мы имеем дело с большей государственной преемственностью, то в России – скорее, с режимной преемственностью» [Там же, с. 511].

К похожему выводу пришел и американский политолог Р. Саква, который утверждает, что современный российский режим имеет гибридные формы. Он отмечает, что этот режим нельзя назвать полномасштабным авторитаризмом, скорее, это синкретическая помесь авторитарных, корпоративистских, либеральных и демократических элементов, которую можно определить как авторитарную демократию. Он также упоминает концепт «делегативной демократии» Г. О'Доннела, признавая его вполне адекватным применительно к идентификации российского режима. В то же время Р. Саква подчеркивает отличия своей теории «режимной системы», которая обращает внимание не столько на отдельных лидеров, сколько стремится вписать происходящее в более широкий социально-экономический и элитный контекст, характерный для посткоммунизма. В свою очередь концепт «авторитарной демократии» фокусируется на функциональном контексте постсоветской политической жизни и поднимает более общие вопросы относительно социальной роли самих демократических процессов [13, с. 76-80].

Определение Р. Саквы российского режима как «авторитарной демократии» умышленно парадоксально и стремится отразить гибридность и противоречивость возникающей системы власти. При этом данное определение указывает, что при определенных обстоятельствах сам процесс демократизации может иметь авторитарный подтекст. Как замечает американский политолог, ответом на некомпетентность правительства и слабость социальной базы демократии в России стало усиление авторитаризма, выступавшего не в качестве прямого противовеса демократии, а в качестве ее дополнения. Таким образом, возникла своеобразная гибридная форма политики, авторитарная по своим врожденным склонностям и практическим действиям, но, тем не менее, открывающая простор для развития демократических норм и обычаев [Там же].

Поясняя свои теоретические положения, Р. Саква отмечает, что в России и других странах постсоветского пространства на смену ликвидированной политической монополии КПСС пришло не многопартийное правление как таковое, а режимная система, где власть сконцентрирована в руках исполнительных институтов при неустойчивости их отношений с законодательной властью, общественными движениями и социально-экономическими элитами. Плюрализм этой системы несомненен, однако сомнительно то, в какой мере институционализированы открытые демократические формы конкурсного состязания интересов различных групп [Там же]. Относительная независимость правительства как от парламентского надзора, так и от партийного контроля и тесное переплетение правительственных структур с президентской системой привели к возникновению режимной политики, заполнившей пространство между плохо сформированной государственной системой и рудиментарным гражданским обществом. Исполнительная власть, начиная с президента и кончая районным префектом, стала во многом независимой от политических организаций и представительных институтов, а тем самым в конечном счете и от граждан [Там же].

Если режим подменил собой государство, то сложная система элит подменила собой развитие гражданского общества. Классические политические выражения гражданского общества, такие как партии, парламент и власть закона, подорваны межэлитными сделками, основанными на личных связях и неформальном торге [Там же]. По мысли Р. Саквы, политические партии способствовали развитию контактов внутри элиты и направляли идеологические и политические ресурсы на межэлитную борьбу. Покуда различные интересы элит сбалансированы и регулируются арбитражем в лице президента, эта система может оставаться сравнительно стабильной. Однако, подчеркивает исследователь, наличие пропасти между режимом и обществом чревато новым восстанием против элит [Там же].

Российский политолог А. Ю. Мельвиль также склонен рассматривать российский режим как «гибридный». Так, анализируя политический процесс в России после избирательного цикла 1995-1996 гг., он указывает, что во многом (хотя не во всем) он близок к классическому транзитологическому понятию «демократуры», т.е. режиму, который ограничивает массовое политическое участие, но при этом дает определенный «зазор» для той конкуренции и того торга наиболее влиятельных элитных групп нынешней plutократии, какие происходят «под ковром», за фасадом формальных демократических институтов и процедур [10, с. 125-128].

Апогеем развития традиции «демократии с прилагательными» можно признать теоретические разработки немецких политологов В. Меркеля и А. Круассана, которые в 2000 г. в своей статье предложили концепт «дефектной демократии» [11, с. 7-15]. Для возможности идентифицировать различия между конституционно-правовой и дефектной демократиями В. Меркель и А. Круассан считают необходимым дополнить концепт «полиархии» Р. Даля, который определял демократию как «соревнование, открытое для участия» [4, с. 11], третьим измерением в виде конституционно-правового критерия. Используя три критерия – конкуренция, участие и конституционализм – исследователи вывели шесть параметров, на основе которых можно определить политические режимы различных типов. К ним относятся: 1) легитимация господства; 2) доступ к господству; 3) монополия на господство; 4) притязание на господство; 5) структура господства и 6) способ осуществления господства. Представленные шесть критериев демократии выработаны с учетом центрального определения господства и могут быть сведены к трем измерениям: всеобщее избирательное право (критерии 1 и 2); эффективная монополия на господство со стороны демократически легитимированных правительств (критерии 3 и 4); либеральное правовое и конституционное государство (критерии 5 и 6).

По мнению немецких ученых, данные измерения позволяют провести два терминологических и аналитических различия. Во-первых, если один из указанных центральных критериев не действует, нельзя говорить о полноценной конституционно-правовой демократии. Такую демократию авторы определяют как «дефектную». Во-вторых, в зависимости от того, какой из критериев трех фундаментальных измерений конституционно-правовой демократии «поврежден», выявляется тип дефектной демократии. Прилагательное «дефектная» относится к недостаткам или ограничениям институциональных механизмов, которые создают институциональный минимум для реализации демократических критериев господства. Таким образом, по мысли В. Меркеля и А. Круассана, «дефектные демократии являются политическими режимами, отвечающими некоторыми, но не всем, центральным критериям ключевого концепта» либеральной демократии [11, с. 7-15].

Следуя данной логике, исследователи выделяют три подтипа «дефектных демократий», который они определяют как «исключающую демократию», «анклавную демократию» и «нелиберальную демократию». Россияне немецкие политологи относят к подтипу «нелиберальных демократий». Их характерной чертой является нарушение конституционного принципа разделения властей, когда избранные народом нарушают взаимный контроль властей за счет действий в обход парламента или судебной власти. В. Меркель и А. Круассан указывают, что их понимание «нелиберальной демократии» отчасти согласуется с концептом «делегативной демократии» Г. О'Доннелла, однако именно в концепте немецких ученых наиболее четко показано, что этот подтип «дефектной демократии» характеризуется «повреждением» либеральной конституционно-правовой демократии [Там же].

Исследователи делают важный вывод о том, что «исторически конституционно-правовое государство и демократическое государство возникли отнюдь не одновременно. Как правовое государство не было в процессе своего формирования непосредственно связано с демократией, так и демократия не была в обязательном порядке конституционно-правовой» [Там же]. Это означает, что власть демоса, не ограниченная конституционными рамками, имеет совершенно особый тип демократии, отличный от понимания того, что определяется учеными как «конституционно-правовая» или «либеральная демократия». Демократия, не защищающая автономию индивида перед волей демократического большинства, несет в себе семена «тоталитарной демократии». В. Меркель и А. Круассан подчеркивают, что «напряжение между конституционализмом и суверенитетом демоса порождает конфликт между сохранением политической свободы и стремлением к политическому равенству граждан. Лишь конституционно-правовое самоограничение создает необходимые механизмы защиты от саморазрушения демократии вследствие «тирании большинства» (Токвиль) или от деспотического господства демократически легитимизированных правителей» [Там же].

Между тем в политологическом сообществе все большее число ученых стали указывать на настоятельную необходимость разработки новой типологии политических режимов, адекватной современной политической реальности постсоветского мира. Существующие различного рода определения российского режима, использующие категории из разряда «демократий с прилагательными», не столько вычленили отдельные типы новых режимов, сколько констатировали их несовершенство и уточняли степень их демократичности. Кроме того, с 2000 года на характер научных дискуссий большое влияние оказали складывающиеся новые политические реалии в России, связанные с действиями нового Президента РФ В. В. Путина. Ряд политологов увидел в его политическом курсе ренцентрализации государства, проводившемся под лозунгом утверждения «диктатуры закона», завершение трансформации, политическую стабилизацию (стагнацию) или даже «откатную волну» демократизации к традиционным формам политико-властных отношений авторитарного типа. Например, Т. Е. Ворожейкина, используя методы сравнительного анализа, типологически «путинский режим» относил к «мексиканской модели партии-государства». Она указывала, что «в России уже полностью или частично воспроизведены следующие ее важнейшие составляющие: передача власти действующим президентом назначенному преемнику; устранение неопределенности, связанной с выборами; функционирование президентской власти как автономной и самодостаточной силы, полностью господствующей и в политике, и в обществе; формирование «партии власти», монополизировавшей административные ресурсы, поглощение, кооптация или политическая маргинализация всех остальных партий; полный контроль исполнительной власти над законодательной; вертикальный контроль федеральной исполнительной власти на региональном уровне; этатистский национализм с антизападным, антиамериканским оттенком в качестве идеологической основы режима» [1, с. 24-25].

О. В. Крыштановская на основе анализа кадровой политики В. В. Путина и статистически данных о рекрутации политических элит пришла к выводу о резком увеличении числа военных во власти, «милитаризации» российской элиты, и в связи с этим сделала предположение о трансформации политического режима в России в сторону «либеральной милитократии» [8, с. 158-180]. Исследовательница указывала, что «неоавторитаризм путинской милитократии сосуществует с плюрализмом мнений и частной собственностью. Демократические институты и свободы формально сохраняются, но федеральная власть чувствует себя все увереннее: исход согласительных процедур почти всегда заведомо известен, а итоги выборов прогнозируемы. Новая управленческая сеть, основу которой составляют военные, восстановила контроль практически над всеми ключевыми общественными процессами. Идет выхолащивание демократии, она приобретает характер имитации» [Там же].

Не все политологи согласились обозначать современный политический режим в России как авторитарный. В политологической литературе стала распространяться точка зрения, согласно которой либеральная демократия «неприемлема» для России в силу особенностей ее цивилизации. Например, Е. Б. Шестопал писала, что «стремление к централизации, к тому, чтобы все разнообразие взглядов было аккумулировано какой-то одной политической силой, есть наследие не столько даже советского прошлого, сколько российской политической культуры вообще. Я не уверена, что за этим стоит отчетливо выраженная авторитарная парадигма (хотя такой вариант не исключен) – вполне возможно, речь идет о специфической форме развития

демократии, но демократии однопартийного толка» [16, с. 25-28]. Исследовательница считала возможным расценить российский политический режим как специфический вид «нелиберальной демократии» [Там же].

Таким образом, с 2000 г. все больше политологов признавали необходимость анализа российского политического режима не в категориях демократии, а в терминах авторитаризма. В этой связи наибольшую известность и признание в научном сообществе получила концепция «конкурентного авторитаризма», разработанная американскими политологами С. Левитски и Л. Вэйем, которые одни из первых призвали отказаться от использования различного рода категорий из разряда «демократий с прилагательными» применительно к тем режимам, которые однозначно не демонстрируют движение в сторону демократии. В этом случае такие определения, как «делегативная демократия», «полудемократия», «виртуальная демократия», «электоральная демократия», «нелиберальная демократия» и многие другие вводят в заблуждение относительно истинной траектории развития режимов, которые, очевидно, движутся в противоположном от демократии направлении. Кроме этого, политологи справедливо отметили, что подобные термины используются в качестве остаточных категорий и, как правило, скрывают важные отличия, существующие между авторитарными режимами [19, р. 52].

Концепция «конкурентного авторитаризма» предполагает выделение такого режима, который следует отличать как от развитой демократии, так и от консолидированного авторитаризма. С. Левитски и Л. Вэй исходят из того, что современный демократический режим может быть назван таковым только при условии соответствия им четырем основным требованиям: 1) регулярной ротации элит посредством свободных и справедливых выборов; 2) всеобщим избирательным правом; 3) защитой прав и свобод всех партий, общественных организаций, СМИ и граждан; 4) избранные народом политики находятся вне покровительства военных, бюрократии, криминала или других теневых групп.

В условиях конкурентного авторитаризма функционируют базовые демократические институты, однако злоупотребления власти относительно оппозиции приводят к тому, что нормативные функции этих институтов искажаются. Например, выборы, которые проводятся регулярно, с приглашением зарубежных наблюдателей и результаты которых в общем виде не фальсифицируются, осуществляются в условиях неравных ресурсов между властью и оппозицией. Последняя ограничивается на стадии выдвижения своих кандидатов, не имеет полноценного допуска к СМИ и подвергается другим элементам прессинга со стороны властвующей элиты. В результате такие выборы можно оценить как «свободные, но несправедливые». Таким образом, под конкурентным авторитаризмом понимается такой режим, при котором действующие представители власти сохраняют формальные демократические институты. Однако при этом властвующие элиты настолько часто и регулярно изменяют и нарушают демократические правила, что режим перестает соответствовать базовым демократическим критериям.

Американские исследователи указывают, что подобные режимы неправильно рассматривать как несовершенные или «дефектные» формы демократии. Конкурентный авторитаризм не следует путать с режимами, которые Г. О'Доннелл обозначил как «делегативные демократии» [5, с. 34-41] или другими формами «демократий с прилагательными» именно потому, что «дефектные демократии», несмотря на свое несовершенство, сохраняют базовые демократические критерии. Конкурентный авторитаризм – это режим, который не соответствует всем или нескольким минимальным критериям демократии, сохраняя формальные демократические нормы [19, р. 52].

В то же время конкурентный авторитаризм существенно отличается от традиционного авторитарного режима. В отличие от чистого авторитаризма, в условиях конкурентного авторитаризма оппозиция сохраняет некоторые пространства свободы для своей деятельности. Если полномасштабный авторитаризм открыто и жестко расправляется с оппозицией, то в рамках конкурентного авторитаризма власть действует более изощренно, ограничивая ее административными мерами с помощью налогово-фискальных, судебных и других надзорных служб. Классический авторитаризм, такой как в Узбекистане, сохраняет «карманную» оппозицию, в то время как по-настоящему опасные для власти политики находятся в эмиграции или в тюрьме. В рамках конкурентного авторитаризма власть неспособна ликвидировать оппозицию как таковую. И хотя она активно маргинализируется, тем не менее, она сохраняет потенциальную возможность использовать демократические институты как мощные каналы для своего прорыва к власти. Именно поэтому в условиях конкурентного авторитаризма выборы для власти представляют определенную угрозу, и она к ним относится со всей серьезностью. Можно сказать, что в условиях авторитаризма оппозиция преследуется регулярно, в то время как режим конкурентного авторитаризма использует косвенное давление и административный прессинг на оппозицию особенно активно лишь во время избирательной кампании.

Если суммировать все вышеприведенные концепты, то основные современные политические режимы можно свести к двум чистым типам (либеральная демократия и закрытый авторитаризм) и двум гибридным (дефектная демократия и конкурентный авторитаризм). Очевидно, что для градации и более четкого различия одного типа от другого необходим более рельефный набор критериев. Не претендуя на исчерпывающий их список, я считаю возможным предложить шесть основных критериев для кодирования режимов (см. Таблица 1). Главные из них фиксируют взаимоотношения между элитой инкумбента и контрэлитами в ходе публичной конкуренции. Из представленной классификации видно, что либеральная демократия и закрытый авторитаризм как чистые типы режимов диаметрально противоположны друг другу по всем шести заданным параметрам.

Гибридные типы имеют как сходства, так и отличия с двумя чистыми типами. Дефектная демократия отличается от либеральной демократии отсутствием конституционализма (разделением властей и другими характеристиками из области верховенства права), низкой степенью институционализации оппозиции и отсутствием равного (хотя и свободного) характера публичной конкуренции. Конкурентный авторитаризм имеет еще больше отличий с либеральной демократией, что сближает его с типом закрытого авторитаризма, однако вовсе не сводится к нему. При отсутствии конституционализма и институционализации оппозиции конкурентный авторитаризм характеризуется такими специфическими характеристиками, как высокими

и отчасти исключают барьеры входа на политический рынок для контрэлит; только частично свободным и абсолютно неравным характером публичной конкуренции; в целом низкой, но возможно и высокой степенью репрессивности, которая меняется ситуативно и применяется локально-избирательно; наличием как конвенциональных, так и неконвенциональных стратегий контрэлит.

Таблица 1.

Чистые и гибридные типы политических режимов: критерии кодирования

	Чистые типы		Гибридные типы	
	Либеральная демократия	Закрытый авторитаризм	Дефектная демократия	Конкурентный авторитаризм
Конституционализм	Есть	Нет	Нет	Нет
Степень институционализации оппозиции	Высокая	Отсутствует	Низкая	Низкая
Барьеры к допуску контрэлит на политический рынок	Низкие (равные)	Высокие (исключающие)	Низкие (равные)	Высокие (частично исключают)
Характер публичной конкуренции	Свободный и равный	Несвободный и неравный	Свободный, но не равный	Частично свободный и неравный
Степень репрессивности	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая или избирательно высокая.
Стратегия контрэлит	Конвенциональная конкуренция, открытая	Неконвенциональная конкуренция, латентная	Конвенциональная конкуренция, открытая	Конвенциональная и неконвенциональная конкуренция, открытая

Учет данных характеристик различных типов политического режима позволяет ввести в поле анализа ряд факторов, способных объяснить различные аспекты политического процесса. В частности, если вернуться к вопросу о факторах, стимулирующих протестный акционизм в период электорального цикла 2011-2012 гг. в России, можно прийти к выводу, что в постсоветский период Россия прошла два этапа политико-режимной трансформации. Используя разработанные критерии по кодированию политических режимов, Россию 1993-2002 гг. можно отнести к типу дефектной демократии. С 2003 г. наблюдались перемены в характере взаимодействия властвующих элит, оппозиции и контрэлит, которые согласно кодированию, можно трактовать как трансформацию российского режима в сторону конкурентного авторитаризма. Конкретные характеристики типов режимов в рамках этих этапов задавали различные эффекты и возможности для политических акторов, которые могут рассматриваться как значимые переменные в объяснении современного политического процесса.

Так, например, переход от низких и равных к высоким и частично исключают барьерам для входа на политический рынок для контрэлит привел к эффекту консолидации так называемой «несистемной оппозиции» по принципу негативного консенсуса. Избирательный подход властвующих элит к оппозиционным субъектам, разделивших последних на «системную», допускаемую к публичной конкуренции, и «несистемную», исключенную из нее, создал стимулы к радикализации стратегии контрэлит, приступившей к неконвенциональным способам политической борьбы в виде политической мобилизации масс и организации уличных протестов.

Основные выводы статьи можно свести к следующему.

1. Современные политические процессы в России необходимо исследовать с учетом основных политико-режимных характеристик. Для анализа постсоветских политических реалий наиболее плодотворным представляется концепт гибридного типа политического режима.

2. Гибридный политический режим также имеет свои вариации и как минимум две разновидности в виде дефектной демократии и конкурентного авторитаризма. Однако для выявления их различий необходим набор четко заданных параметров и верифицируемых индикаторов, способных зафиксировать общее и особенное в их характеристиках. Предложенная в статье система кодирования политических режимов, разработанная на основе шести критериев, главные из которых учитывают характер взаимодействия между политическими элитами и контрэлитами, может рассматриваться как попытка решения этой задачи.

3. Представленная в статье классификация и система кодирования политических режимов может быть перспективным аналитическим инструментом исследования современного политического процесса в России.

Список литературы

1. Ворожейкина Т. Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. С. 24-25.
2. Гайдар М. Е., Снеговая М. В. Революция ценностей: дремлет притихший северный город // *Ведомости*. 2012. 3 февраля.
3. Гельман В. Я. Трещины в стене // *Pro et Contra*. 2012. № 1-2. С. 94-115.
4. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
5. Доннелл Г. О. Делегативная демократия // *Пределы власти*. 1994. № 2. С. 34-41.
6. Клямкин И. М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // *Полис*. 1993. № 2. С. 9-10.
7. Клямкин И. М. Что значит быть демократом сегодня?: логика реформации тоталитаризма (круглый стол) // *Полис*. 1991. № 4. С. 47-51.
8. Крыштановская О. В. Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 4. С. 158-180.

9. Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3 (109). С. 114-116.
10. Мельвиль А. Ю. Проблемы консолидации российской политики: и вновь об условиях и предпосылках движения к демократии (круглый стол) // Полис. 1997. № 1. С. 125-128.
11. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1. С. 7-15.
12. Пастухов В. Б. Будущее России вырастает из прошлого // Полис. 1992. № 5-6. С. 60-74.
13. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1. С. 76-80.
14. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
15. Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. 535 с.
16. Шестопап Е. Б. Авторитарный запрос на демократию, или Почему в России не растут апельсины // Полис. 2004. № 1. С. 25-28.
17. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430-451.
18. Huntington S. Democracy for the Long Haul // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 2.
19. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2.
20. O'Donnell G., Schmitter Ph. C. Defining Some Concepts (and Exposing Some Assumptions) // Transitions from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy / ed. by G. O'Donnell, Ph. C. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore, 1986. Vol. 4. P. 9-13.

HYBRID POLITICAL REGIME CONCEPT IN MODERN POLITICAL SCIENCE AS ANALYTICAL FRAMEWORK OF THE RUSSIAN POLICY ANALYSIS

Shakirova El'vira Venerovna
Ufa State Oil Technical University
viva160@mail.ru

The author, basing on the analysis of the basic concepts and classifications of modern political regimes, suggests a coding system that allows revealing the main differences between the hybrid types of regimes, tells that her approach is based on six criteria that estimate the nature of the interaction between political elites and counter-elites, and concludes that the developed criteria for estimating political regimes may serve as a promising analytical framework of the analysis of the current political process in Russia.

Key words and phrases: hybrid political regime; democracy; authoritarianism; defective democracy; competitive authoritarianism; counter-elite; political opposition.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье анализируются способы философской концептуализации прошлого. Выделяются три основных способа: 1) представление прошлого в качестве момента последовательности, предшествующего настоящему; 2) понимание прошлого как воображаемого, фантазма или грезы, способных вторгаться в настоящее, предполагается, что субъект памяти принадлежит в большей степени прошлому, чем настоящему; 3) присутствие прошлого в настоящем в переживании необратимости существования в опыте смерти, долга, вины или веры.

Ключевые слова и фразы: прошлое; память; последовательность; символический порядок; долг; воображаемое; греза; травма; необратимость; субъект памяти; ressentiment; насилие; мнемотехника.

Шевцов Константин Павлович, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
shvkst@list.ru, shvkst@gmail.com

ПОНЯТИЕ ПРОШЛОГО В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ[©]

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ, № гранта: 12-03-00192а.

Вспоминая, мы делаем отсылку к моменту времени, который завершен, отступил в прошлое и отсутствует. Образы ушедшего, следы и знаки – все это обслуживает работу воспоминания, но в конечном итоге неразрешимой трудностью остается отношение памяти к тому, чего нет, отсутствующему событию прошлого. Проверка свидетельских показаний, уточнение данных памяти с помощью записей или инсценировки случившегося упираются в невозможность подтверждения самого опыта прошлого, а вместе с тем – и любой мысли, претендующей на удержание прошлого в действительности настоящего. Закономерно, что недоверие и подозрительность в отношении памяти часто сопровождаются признанием ее несомненной, прямо-таки безоговорочной надежности; и как быть иначе, если именно память и определяет осуществление любых проверок, распознавание образов и интерпретацию знаков.

В философии Нового времени, занятой инвентаризацией познавательных способностей и поиском принципа ясного и надежного знания, память утрачивает ренессансный ореол магического искусства, обращающего